

Авторская страница

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ: НЕПРИЯТНОСТЬ МОЕЙ ЖИЗНИ — СМЕРТЬ АННЫ КАРЕНИНОЙ

В одной из своих повестей Сергей Довлатов писал, что в его жизни было три города: Ленинград, Таллин и Нью-Йорк... В Нью-Йорк поехать хочется, да больно далеко, в Ленинград — близко, но там уж, кажется, со всеми обо всем переговорено. И вот я в Таллине — городе, который не только помнит Довлатова, но — по крайней мере, в русскоязычной своей части — живет по его, довлатовским законам. Во всяком случае, такого количества баек, как здесь, я давно не слышала. Некоторые — записала. О Сергее Довлатове рассказывают его друзья. Все эти истории, разумеется, публикуются впервые.

Михаил РОГИНСКИЙ
«Игры с классиком...»

Михаил Рогинский — известный в Эстонии журналист и предприниматель. Один из ближайших друзей Довлатова, в его произведениях выведен под фамилией Шаблинский. Рогинский первым на территории бывшего Союза издал книгу Сергея Довлатова.

— Сережа был очень красивый мужчина, женщинам нравился. Однако довольно быстро они начинали ему изменять. О своей первой жене Асе Довлатов говорил: ходит, как зверек, и вынюхивает...

— Советскую власть Довлатов презирал, однако тогдашних диссидентов недолюбливал. Он говорил: вы только посмотрите на них — какие-то некрасивые женщины, малоинтересные, тщедушные мужики — все сплошь с комплексами... И вот как-то в университете, в Питере, подошел к нему Женя Енэтин — известный университетский диссидент, позже уехавший в Париж. Глядя на Довлатова снизу вверх, Женя стал выговаривать Довлатову за то, что тот не участвует в освободительном движении... А дело, надо сказать, происходило в университетском вестибюле, где висело огромное зеркало. Сережа слушал, слушал Енэтина, потом вдруг взял его за уши, приподнял и показал отражение. На фоне Сергея Енэтин казался совсем маленьким и тщедушным. «Видишь? — спросил Довлатов. — Понял?»

— Однажды Довлатов, заразившись триппером, упрекнул в этом одну свою таллинскую знакомую. «Сережа, да как ты смеешь! — возмущилась та. — У меня никогда ничего такого не было!» «Ну и что? — вздохнул Сергей. — У Льва Толстого тоже ничего не было, ничего не было... А потом — раз! — и «Война и мир».

— В нашей компании был человек по фамилии Грубин. Вопреки фамилии это был человек невероятной, чтобы не сказать патологической, интеллигентности. Например, никогда, ни под каким предлогом он не мог выругаться или произнести что-то, с его точки зрения, неприличное. Скажем, он никогда не говорил «женщина разделась», но только «одалилка сбросила покровы». И вот однажды Грубину было необходимо опохмелиться, очень необходимо, просто страдал человек. Довлатов взял стакан водки и, держа его перед носом Грубина, сказал: «Если ты, Грубин, скажешь «х...» — то получишь водку». Внутри Грубина происходит нечеловеческая борьба, но он молчит. «Говори, или я сам выпью», — улыбается Довлатов. Все вокруг кричит: «Да скажи ты, Грубин, «х...», подумай, невидаль!» Грубин молчит, но видно, что очень страдает. Довлатов подносит стакан водки ко рту... И тогда Грубин не выдерживает и кричит: «Пенис!»

— Случился день рождения у заведующего отделом культуры. Довлатова попросили сочинить стихок. Он ходил, ходил, мучился, мучился, наконец сдался. «Понимаете, — говорит, — ничего не лезет в голову, кроме: «Две удивительные дуры ведут у нас отдел культуры»...»

— Когда Довлатов напивался — уползал в дальнюю комнату и там пожимался. Запах алкоголя был слышен на лестничной площадке. Он тихо страдал от головных болей. Но никогда пьяным за письменный стол не садился.

— Еще когда мы учились в университете, Довлатов меня спросил: «Как ты думаешь, я когда-нибудь смогу зарабатывать на жизнь литературным трудом?» Я довольно резко указал ему на инфантильность его текстов и ответил: «Никогда...» Я ошибся. Он стал писателем, а я — нет.

Евгений ГАЙЧУК

«Мы все представляли угрозу»

Евгений Гайчук — один из ведущих артистов Русского театра в Таллине. Многолетний друг Сергея Довлатова.

— У Довлатова была подружка — женщина маленькая и изящная. Он ее носил в кофре. Ему нравилось, что можно посадить женщину в сумку и носить с собой. Однажды, встретив друга, он показал на симпатичную головку, которая высовывалась из сумки, и сказал: «Знакомьтесь, это моя новая любовница».

— Пил Сережа сильно. Пьянка неизменно начиналась шутками, а заканчивалась словами: «Довлатова обидеть легко, понять трудно». После этого он падал...

— Один эстонский литератор Т. написал отрицательную рецензию на ту самую книгу Довлатова, которую впоследствии рассыпали... И вот иду я как-то по городу, надо сказать, с большого бодуна, дышу воздухом. А навстречу мне Сергей Донатович в том же примерно состоянии, и он мне на полном серьезе говорит: «Я только что столкнулся с литератором Т. Представляешь, он поблел, споткнулся, упал в грязь лицом и укусил асфальт...»

— В театре нам устроили встречу артистов с генералом КГБ Порывкиным. Этот человек начал нам рассказывать, как трудно чекистам в Таллине, здесь у них, мол, особый фронт. Сергей уже в то время жил в Америке, но все-таки я решил у генерала про Довлатова спросить. Тот ответил, что не упускает его из поля зрения, что все произведения Сергея лежат у него на столе. «А почему вы так следите за Довлатовым?» — удивился я. — Он что, представляет угрозу для СССР? Генерал посмотрел на меня — как серной кислотой облил — и ответил сквозь зубы: «Для нас вы все представляете угрозу...»

Елена СКУЛЬСКАЯ

«Довлатов пасовал перед хамством»

Елена Скульская — известный эстонский прозаик и поэт, член Союзов писателей Эстонии и России. Публиковала воспоминания о Довлатове, его письма. Готовится к печати ее новая книга «Записки к №», одним из героев которой является Сергей Довлатов.

— Иногда у людей, не знавших Сергея, возникает ощущение, что у него была реакция теннисной ракетки. Это не так. Перед откровенной пошлостью и хамством он пасовал, не мог быстро найти остроумного, отточенного ответа. Но все, что написано Сергеем, — абсолютно безупречно и отточено. Вот, скажем, несколько фраз его писем ко мне:

«А теперь ответьте, Лиля, на один существенный вопрос: «Ненавидите ли вы статую Лаокоон?»

«В общем-то у меня все хорошо. Единственная неприятность в моей жизни — это смерть Анны Карениной».

«Что касается моих дел... Представьте себе человека, который обокрал сберкассу, но еще не попался. То есть дела у меня как бы хорошо».

— На редакционных летучках мы играли с Сергеем в буриме. У Сергея здорово получалось. Он вообще неплохо писал стихи.

Ему, например, принадлежит такое четверостишие:

Наш паровоз вперед летит

в назначенную даль.

Иного нет у нас пути,

Чего немного жал.

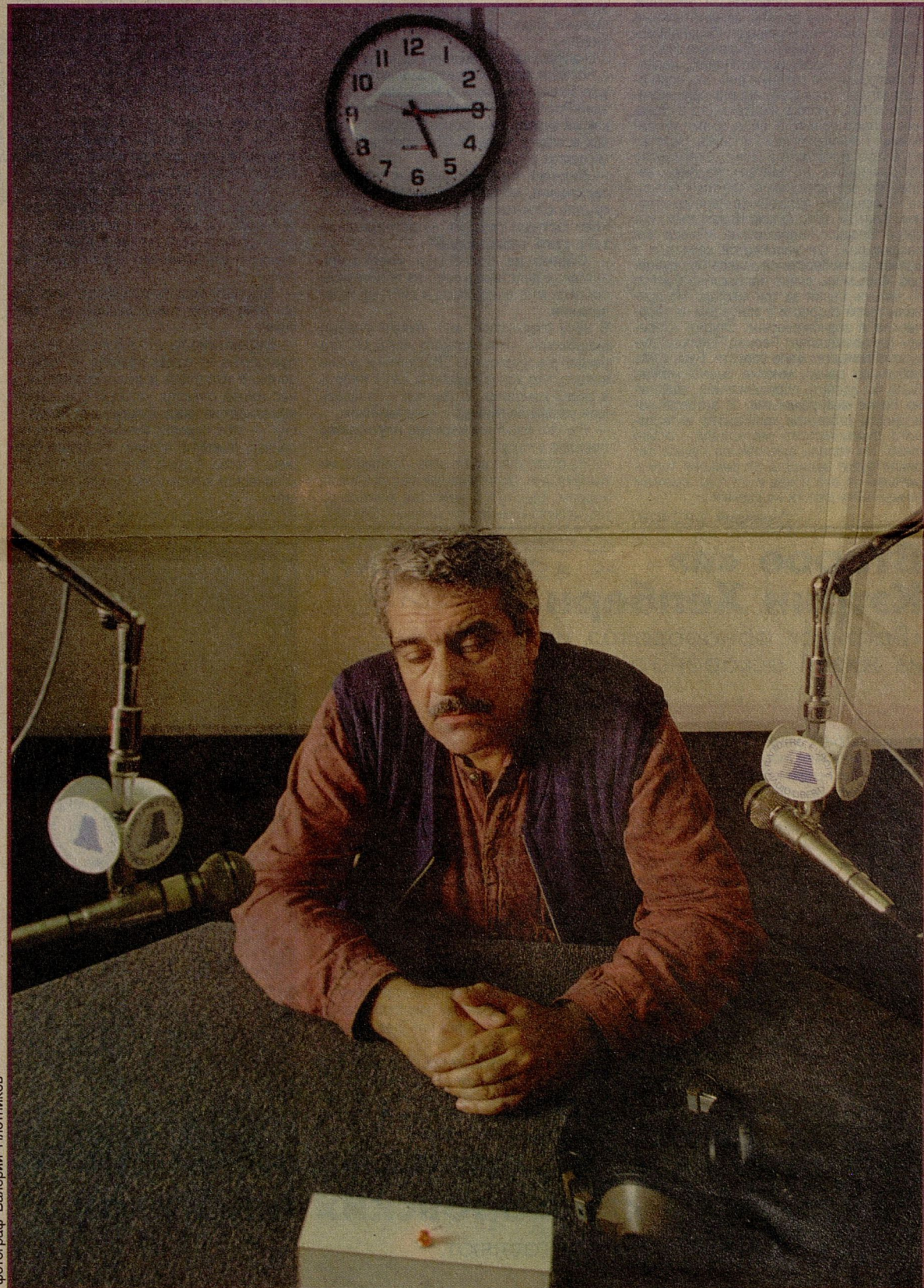
Довлатов придумал полосу «ДБМ» — для больших и маленьких, в ней печатались смешные стихи, обучая русских детей эстонскому языку. Например, такие: Как-то в сумрачном лесу повстречались звери. Волк сказал медведю: «Здрасьте».

Тот ответил: «Тере».

«Тере» — по-эстонски «здравствуйте»...

— Однажды на одну из наших коллег легло в партком заявление, что она, мол, морально разложилась: мужчины, которые входят в отдел, хватают ее за грудь. Замредактора наложил резолюцию: «Ввиду отсутствия у дамы груди дело прекратить». Я сказала Сергею: «Правда, наш зам — очень интеллигентный человек?»

«Да», — ответил Сергей. — Когда его выгонят из редакции, ни один жек не возь-

мет его слесарем».

— Именно Довлатов придумал термин «автор текста». Он считал, что называть себя «прозаиком» — слишком заносчиво. Для того чтобы называться «литератором» — надо, чтобы тебя знала вся страна. Вот он и вышел из положения.

— В наш дом Сергей приходил больше к моему отцу, писателю Григорию Скульскому. После одного из таких посещений мне Сергей рассказывает: «Лиля, произошла безобразная история. Мы пошли гулять с Григорием Михайловичем. Идут два писателя, говорят о литературе, у них под ногами колыхается листва... И вдруг из кустов вылезает грязный, как микроб, человек и говорит: «Ну что, Серега, похмелья-то будешь?» Понимаете, Лиля, невозможно быть писателем в маленьком городе!»

— Лично я никогда не видела Довлатова пьяным, но он меня предупреждал: «Увидите пьяного Довлатова — не здоровай-

тесь с ним. Потому что пьяный Довлатов не знаком с Довлатовым трезвым».

— Однажды Довлатову разрешили выступить на вечере молодых сатириков и юмористов. Сергей очень волновался, даже не мог ни с кем разговаривать. Его выпустили под конец вечера, назвав начинающим юмористом. Он вышел и — после паузы — сказал: «Я был женат два раза и оба раза счастливо». Зал замер. Тогда Сергей спросил: «Вас что, не интересуют подробности моей личной жизни? Хорошо. Тогда — о юморе. Самый смешной рассказ, который я прочитал в своей жизни, это «Бобок» Достоевского, но его написал не я»...

— Сергей был очень щедрым человеком, любил дарить подарки. Поразительно, но

скую премию дали Маркесу, шансы Воннегута были очень велики. Когда решение было принято, Воннегут написал: «Даже если бы премию дали мне, все равно всем было бы ясно, что Маркес пишет лучше». Надо сказать, Воннегут прав... И помни, что мы тоже живем не в раю и в некоторых отношениях наша жизнь — очень трудная, хотя объяснить всего этого я не могу. Когда-нибудь разберемся. Никаким дурным слухам обо мне не верь...»

«К идее свободы в Америке относятся болезненно, даже патологически. Мой сосед-пуэрториканец заводит кошмарную музыку, и если я сделаю ему замечание, он даже не нахамит в ответ, он просто не поймет, он будет потрясен — ведь я по-

эта традиция осталась у него в доме, в доме его вдовы Лены до сих пор. У Лены есть огромный трехстворчатый шкаф. Он не для нарядов, он забит подарками для друзей, приезжающих из России...

«Дурным слухам обо мне не верь...»

(Из писем Сергея Довлатова)

Впервые письма Сергея Довлатова к Тамаре Зибунной, в доме которой он жил в 70-е годы в Таллине, были напечатаны в эстонской газете «Вечерние вести». В центральной российской прессе публикуются впервые.

«Курт Воннегут... в жизни невероятный добряк. Ему недавно исполнилось 60 лет, и он похож на страшно истаскавшегося юншу. Недавно он сказал мне: «Я живу на этой улице десять лет и три раза в день гуляю с собакой, но ни один человек еще не сказал мне: «Ты Воннегут?» Как ты, наверное, слышала, в этом году Нобелев-

саянул на его свободу, на его «прайвеси». Прайвеси — местное заклинание, означает «частная сфера» и оберегается с неистовой силой. Девку, которую трахает, нельзя спросить, где была вчера, — это нарушение прайвеси... Если в иных краях людей тяготит недостаток свободы, то здесь ее слишком много, и свобода одного человека запросто нарушает границу свободы другого. В Нью-Йорке фактически идет гражданская война, каждый день здесь убивают... Обыватели говорят: «Лучше уж коммунисты, чем грабители и убийцы...»

«От крайних форм депрессии меня предохраняет уверенность в том, что рано или поздно я вернусь домой в качестве живого человека, либо в качестве живого писателя. Без этой уверенности я бы просто сошел с ума».

Материал подготовила
Лариса УСОВА.
Таллин.

Довлатов Сергей